

предисловие к русскому переводу

Несколько лет назад специалистам Центра лечебной педагогики посчастливилось встретиться с необыкновенным человеком – Ирис Юханссон. Разговор с ней был долгим и интересным. Ирис рассказывала о том, что ей пришлось пережить в детстве из-за глубоких нарушений общения (много позже ей поставили диагноз «ранний детский аутизм»), и о своём отце, сыгравшем определяющую роль в её жизни. Наши вопросы так и сыпались на Ирис со всех сторон. Вопросы были самые разные: как она чувствовала и воспринимала других людей? почему долго не могла пользоваться речью для общения? как научилась читать и писать? как относилась к боли, к голоду? Для нас, педагогов, работающих с аутичными детьми, это было не простое любопытство. Ведь часто нам бывает непонятно, что именно вызвало у ребёнка крик, испуг или панику. Воспоминания Ирис помогают найти ключ ко многим подобным загадкам.

В конце нашей встречи Ирис изложила свою собственную теорию возникновения нарушений общения, в том числе аутизма. В основе её лежит идея о том, что у некоторых детей изначально низкий уровень доверия к людям. Это доверие, по мнению Ирис, и является той жизненной силой, которая необходима для полноценного развития ребёнка.

И главный вопрос, который на протяжении всей встречи не оставлял в покое: неужели это возможно? Эта коммуникативная женщина, внимательная к другим и обаятельная, была

глубоко аутичным ребёнком? Нам важно было понять, как Ирис превратилась из аутичного ребенка в опытного психолога, консультирующего педагогов и родителей, как она стала общительным и отзывчивым человеком. Она научилась разделять радости и печали других людей, сохранив в то же время свой особенный внутренний мир.

Потом мы организовали встречу Ирис с родителями аутичных детей. И там вопросам не было конца. Каждый хотел понять собственного ребёнка, получить совет. Для многих само знакомство с Ирис стало источником надежды.

Ирис передала нам рукопись и разрешила опубликовать. Текст, лежащий перед вами, основан на рассказах её родных, главным образом отца, и на её собственных воспоминаниях. Описание событий имеет как бы две стороны: как окружающие воспринимали Ирис и пытались интерпретировать её поведение в той или иной ситуации и как она сама воспринимала эту же ситуацию, что в ней для девочки было существенно. Это плод постоянных размышлений Ирис о происходящих в её жизни событиях и о том, как она на них реагировала: «Что со мной? Почему я не такая, как все?»

Первая часть строится как воспоминания Ирис о своей семье, доме, о своём особенном детстве. Во второй части взрослая Ирис делает попытку увидеть себя со стороны и проанализировать своё поведение. Здесь вдруг пропадает рассказ от первого лица. Ирис, исследуя своё восприятие мира в детстве, рассказывает, что она не идентифицировала себя с той девочкой, которую окружающие звали Ирис. Это удивительно, но аутичный ребёнок часто не соотносит себя со своим именем, со своим отражением в зеркале и т.п.

А вот в третьей части опять рассказ ведётся от первого лица. Здесь идёт речь о мире, который был для Ирис настоящим, мире, где она могла сказать о себе «Я». Строки этой части погружают нас во внутренний мир переживаний аутичного ребёнка. Интересно, что сама Ирис называет его «этот внутренний внешний мир», а своё пребывание в этом мире – состоянием «снаружи». Последняя часть повествует о достижениях и про-

блемах сегодняшней Ирис, уже преодолевшей много трудностей на своём пути.

Мы надеемся, что уникальный жизненный опыт автора, богатство её внутреннего мира, настойчивое желание понять себя и помочь другим не оставят равнодушным вдумчивого читателя.

*И.Ю. Захарова,
эксперт Центра лечебной педагогики (Москва)*

особое детство

В глубине Швеции в арендованном доме священника при церкви жила большая семья. Дед въехал в него в двадцатых годах с женой, семьёю детьми, сестрой, двумя братьями и тестем. Дети выросли, старики умерли, народилось новое поколение.

Мой отец был младшим ребёнком в семье, его мать была вечно занята, и она поручила его дедушке. Овдовев, его дед, отец матери, переехал к своей дочери и её семье и посвятил себя заботе о младшем внуке. Папин дедушка был человек необычный; на его долю выпало много лишений, но жизнь научила его мудрости и смирению. Он заботился обо всех «заблудших», которые попадались ему на пути, и помогал им как мог, пока они не вставали на ноги; он понимал самые важные законы жизни.

Бабушка никогда не понимала своего отца, она считала его безответственным человеком, не умевшим устроиться в жизни, но думала, что раз уж он переехал к ней, то может на что-то сгодиться. Она поручила ему воспитание моего отца.

Дедушка не придавал особого значения воспитанию. Он считал, что ребёнок всему научится сам, только нужно предоставить ему свободу, а взрослым, которые его окружают, рассказывать о своём опыте и умолкать, если это становится совсем уж нелепым. Он верил в Бога, но был невысокого мнения о его «представителях» на земле; он считал, что они стремятся к власти, к тому, чтобы все пресмыкались перед ними и отдавали последнюю лепту на Церковь. Он думал, что это не по-божески.

У него была непосредственная личная связь с Тем, который на небесах, и он считал, что Он иногда подсказывает людям, как поступить, но чаще всего Он молчит, и тогда людям приходится полагаться на своё собственное разумение. А молчит Он, чтобы люди сами набирались ума.

Дедушка глубоко и страстно любил природу и животных, он постоянно разговаривал с ними, и ему казалось, что он обретает новую связь с миром каждый раз, когда размышляет на природе. Мой отец всегда был рядом, они подолгу бродили по лесам и полям. Дедушка был рядом с ним, когда он учился ухаживать за домашними животными, учил его, как нужно разговаривать с животными, чтобы успокаивать их, и учил понимать, чего они боятся и как сделать так, чтобы они не боялись. Так у отца зародился интерес к коровам. Он решил, что, когда вырастет, станет скотником.

Дедушка умер, когда папе было двенадцать лет, и для него это была огромная утрата. Папа рассказывал, что он нарисовал у себя в голове портрет деда и каждый день обсуждал все проблемы с этим внутренним образом. Дед словно был рядом и в трудные минуты помогал ему принять верное решение, в одно мгновение избавлял от уныния и отчаяния.

Когда я родилась, самыми старшими в семье были родители отца. Кроме них у нас в доме жила ещё Эмма. Я любила её больше всех домочадцев. Она была тёткой матери и не хотела жить в доме для престарелых.

Эмма была «своя». Она называла меня ласковыми словами и никогда не уставала слушать меня. Она была самая добрая и человечная. Соседские юноши, да и люди постарше обращались к ней за советом. Она была очень мудра и никогда не судила и не осуждала никого. Она давала людям утешение и совет, не требуя, чтобы они непременно последовали ему. Она даже никогда не спрашивала их об этом, ей было довольно, если те, кто внимал им, находил в душе хотя бы маленький лучик надежды, обретал силы жить дальше.

У неё была тяжёлая жизнь. Она родилась с вывихом руки, и эта рука не стала расти. Под рукавом платья угадывалась

маленькая тонкая белая ручка с неподвижной кистью. Она была дочерью батрака и всю жизнь в поте лица добывала свой хлеб земледелием и уборкой. В молодости она слыла дурнушкой, и никто к ней не сватался. Однако она родила двоих детей: маленькую, красивую, златокудрую девочку, она умерла от аппендицита, когда ей было пять лет от роду, и мальчика, который был умственно отсталым и умер в семнадцать лет. Больше всего на свете Эмма любила читать. Когда рабочие построили Народный дом и в нём открылась библиотека, она прочла все без исключения книги. Она никогда не ходила в школу, но одно время мыла полы в школе, и за это школьный учитель научил её грамоте. У неё хорошо получалось представлять прочитанное на сцене, и она стала режиссёром, суфлёршей и реквизитором в детском театре.

По своим взглядам она намного опередила то время, в котором жила. Она любила ходить в кино и в молодости отправилась в Гётеборг с коровой, продала её и пересмотрела все фильмы, которые успела, пока не подошёл срок возвращаться домой. Когда я была маленькая, у неё испортилось зрение, и больше всего её огорчало, что она уже не может читать. Однако она могла рассказывать и охотно рассказывала. Её всегда окружали люди, которых она очень живо развлекала.

Все посвящали Эмму в свои тайны. Я рассказывала ей о своих друзьях, существах, которые жили в моём «внешнем» измерении, которых никто, кроме меня, не знал и которых никто, кроме меня, не мог видеть. Их звали Слире и Скюдде, и я обычно встречала их, когда сидела одна на качелях. Я могла войти в контакт с ними и по-другому – особым образом раскачиваясь вперёд и назад. Они приходили и забирали меня с собой. Мы улетали прочь и водили хоровод вокруг верхушек деревьев и возвращались назад ужасно счастливые и хохочущие. Я рассказывала Эмме обо всём, что я увидела и узнала, и Эмма с интересом слушала меня. Она говорила: «Вот это да! Ну и ну!» и таинственно улыбалась и вся светилась любовью. Я и сегодня уверена, что она всё понимала, что иногда и сама она была в этой реальности. Она понимала такие вещи о людях и о жизни,

о которых другие не догадывались, и она черпала это понимание из самых сокровенных глубин своего существа.

Эмма жила в людской. Все свои пожитки она держала в комоде. Больше у неё ничего не было. Там стояла изразцовая печь с камином. Топить камин было лучше, тогда тепло не уходило так быстро. «Нехорошо топить на ветер», – говорила Эмма.

По другую сторону прихожей жили два моих дяди – братья отца.

Сначала они жили в маленькой комнате, смежной с большой, которую на время сняла у нас супружеская пара. Когда они съехали, дядям осталась большая комната. Она была утеплена на зиму. В ней были дверные рамы, и камин давал тепло.

Андерс был высоким, статным, светловолосым. Он был красив и любил танцевать. В молодости у него было много женщин, но он был такой своенравный, что никто особенно не хотел за него замуж. Рассказывали, что одну он называл ханжой, потому что она в рот не брала спиртного. На этом их любовь закончилась. Он играл на контрабасе и любил природу. Я часто отправлялась с ним объезжать «владения». Он что-то бурчал себе под нос, бранил лошадь, словно это был человек.

Нильс был темноволос и смуглолиц. Он любил девушек и всё, что называется спортом. Он играл со всеми подростками и устраивал в своей комнате молодёжный клуб. Зимой все сидели в темноте, поближе к камину, и слушали «Радио Люксембург». Потом все начинали философствовать, рассказывать свои сны, говорили о бедности, в которой мы живём, о превратностях любви. Здесь сплетничали, рассказывали о путешествиях, одно страшнее другого. Нильс играл на саксофоне и кларнете и любил джаз.

Между комнатой Эммы и комнатой, которую занимали братья отца, была большая кухня. Пока Эмма ещё могла видеть, там стоял её ткацкий станок, а потом его убрали и поставили на его место стол для игры в пинг-понг. Там стояла маленькая дровяная печка, но она плохо грела, и часто мы играли при минусовой температуре. Около печки могло поместиться только двое, и, чтобы не замерзнуть, приходилось много двигаться.

Остальные сидели у Андерса и Нильса, играли в карты, слушали радио.

Это было моё зимнее пристанище, когда на улице было холодно. Обычно я залезала на чью-нибудь кровать и слушала все разговоры. Собирались местные юноши, ещё неженатые, один или двое взрослых, ускользнувших из дома, и дворовые ребята. Нас пускали внутрь, если мы обещали не шуметь, я и не шумела, мне было просто интересно.

Я любила сидеть и вдыхать сигаретный дым, слушать журчанье голосов и наслаждаться густеющими сумерками и общим настроением. Мне нравилось «кружить» по комнате. Я «скользила» между людьми и «ныряла» под их кофты. Их разговоры звучали так странно, когда я «проскальзывала» мимо них. Казалось, что слова взмывали под самый потолок, и я как будто понимала их, жонглировала ими, и тотчас они приобретали совершенно новые для меня значения.

Кто-нибудь говорил: «Ирис, опять ты сидишь мечтаешь, иди-ка ложись спать».

Я медленно плелась к двери.

В укромном уголке двора, по дороге в туалет, стоял большой клён. Его огромная ветвь на пять метров возвышалась над землёй. Кто-то подвесил на ней верёвочные качели. Забравшись на качели, можно было взлететь до самого неба. В животе было щекотно, голова кружилась. Это было удивительное чувство, опьяняющее.

Весь нижний этаж большого дома занимала кухня. Там обычно собиралась вся семья. Когда я была маленькая, на ней царил бабушка, мать отца. Она так нервничала, что не успеет приготовить еду вовремя, что начинала готовить раньше времени и ей приходилось по несколько часов держать её нагретой. Бабушка была седая, раньше у неё были волосы цвета вороньего крыла. Когда она распускала их, они доходили до колен, но это можно было видеть только утром, когда она причёсывалась. Она скручивала их в тугой пучок на затылке и от этого выглядела очень строгой. Её глаза были как перечное зерно. Кто-то говорил, что она похожа на ведьму из сказки про Ганса и Грета.

тель. У неё был резкий и пронзительный голос. Когда она кричала, он прорезал тебя насквозь.

Дети боялись её. Мы думали, что у неё глаза на затылке: она замечала всё, что бы мы ни делали. Малейшее отклонение от её требований каралось тотчас же. Она была набожна, но притворно набожна. Самым важным для неё было, чтобы соседи не заметили, какие мы все слабоумные. Она всё время стыдилась нас и считала, что и нам должно быть за себя стыдно. Единственное, что нам нравилось в ней, это то, что обманывать её было одно удовольствие, если кому-то удавалось безнаказанно проделывать это, тому засчитывалось сразу несколько очков.

Она обычно готовила картофельное пюре, ужасно вкусное. Это было единственное блюдо, которое она подавала свежим, всё остальное она хранила до тех пор, пока оно не становилось несъедобным, и тогда это нужно было съесть в первую очередь, и только потом на тарелку клали более свежую еду. Отцу не нравилось, как она обращается с едой, и он решил, что, когда у него будет семья, в доме всегда будет вкусная свежая еда. Мать, отец, брат и я жили на втором этаже, пока бабушке не надоело вести такое большое хозяйство. Потом мы поменялись, так что дедушка и бабушка стали жить отдельно.

Когда я вела себя не так, как следовало, – а это случалось довольно часто, – бабушка вызывала меня к себе, чтобы отчитать меня. Я любила это. Я стояла совершенно неподвижно и смотрела ей прямо в глаза, и когда она начинала говорить, её слова начинали кружиться по комнате. Они были разных цветов, не тех обычных цветов, которые встречаются повсюду, но цветов совершенно иного рода. Они светились и складывались в причудливые узоры. Всё вокруг меня было словно живое, и всё двигалось в дивном узоре. Я купалась в разноцветных искрах и кружилась в них. Они то и дело меняли форму, и было приятно плыть в этом потоке. Потом я чувствовала, что кто-то щиплет меня за руку, и снова оказывалась рядом с бабушкой: «...пропащий ты ребёнок, ты даже не слушаешь, когда тебе говорят!»

Бабушка казалась разгневанной, а я смотрела в пол и ждала.

«Ступай сейчас же вниз, к себе», – говорила она, и я осторожно спускалась по лестнице. Уже во дворе меня отпускало, и я кричала, кричала от безумного восторга.

Дедушка был добрейшим из людей. Он любил прохаживаться в одиночестве и напевать вполголоса какую-нибудь мелодию. Все знали, что он был совершенно безответственным человеком, и если бы не бабушка, он был бы нищим бродягой. Бабушка следила за всеми, особенно за дедушкой. Рассказывали, что дедушка однажды пошёл на рынок, чтобы продать корову, но у него совершенно не было практической жилки, и его, конечно, «надули». Обнаружив обман, он напился и явился домой только на следующий день без денег и без коровы. После этого случая бабушка взяла хозяйство в свои руки.

Дедушка любил копать в саду. Когда он рыхлил почву во дворе граблями, я выбегала из дома, выделяла смешные па на садовой дорожке. Он приходил и выравнивал гравий. У него получалось очень красиво, и больше не полагалось ходить по гравию. Потому что всё должно быть красиво: вдруг кто-нибудь заглянет к нам.

Нам не разрешали срывать в саду фрукты, особенно сливы. Если только они не падали на голову. Но дедушка как бы невзначай ударял по дереву граблями, масса плодов обрушивалась на нас, и он, как ни в чём не бывало, собирал их в карман своих огромных штанов. Потом он убегал за дом и созывал нас, детей, и нам доставались сливы. «Берегитесь, чтобы бабушка не заметила, а то мне несдобровать».

Все «береглись», иначе было не избежать бабушкиного пронзительного крика: «Де-е-е-д!!!» – она кричала, чтобы учинить ему допрос, и чем дольше он не появлялся, тем хуже было для него. Я забирала свои сливы и уходила к густо заросшей зеленью беседке, где никто не мог видеть меня. Это была небольшая хижина, настолько заросшая, что сквозь крышу не проникали даже капли дождя. Я садилась на сухое сено, подбирала под себя край платья и, устроившись поудобнее, глазела на ветку, которая покачивалась из стороны в сторону, и вскоре я «исчезала», взмывая вверх до кроны дерева и в самое небо.

За кухней располагалась спальня, в ней было радио. Я любила его. Можно было слушать музыку и танцевать, иногда в комнате, а иногда на улице, когда никто не видит. Часто вечерами мы сидели впотьмах и слушали радиотеатр. Старались погасить все лампы, экономили электричество, и все должны были затаиться, чтобы не нарушить сосредоточенную тишину.

Субботними вечерами вся семья собиралась у радио – шла длинная передача, которая называлась «Музыкальная шкатулка». В ней участвовало много известных певцов, они пели песни и играли на разных инструментах. Я часто сидела на полу, забравшись в уголок под радиоприёмником, и радовалась. Мне было ужасно весело вслушиваться во все звуки, которые лились оттуда. Иногда они превращались в множество ярких вихрей, которые кружились в темноте, и лица людей, которые сидели в комнате, начинали светиться. Глаза их как будто излучали необыкновенный свет, а звуки, которые они издавали, когда смеялись, светились по-другому, и вокруг них и между ними, подобно шёлковым нитям, кружились световые вихри. Я плыла к этому свету и вглядывалась в него. Было так интересно наблюдать, как всё без конца менялось, несмотря на то что все люди сидели на своих местах. Иногда картины становились страшными, я вздрагивала; внезапно передача заканчивалась, и все выходили в кухню пить кофе.

По вторникам, поздно вечером, по радио передавали интересные спектакли. Улоф Тунберг читал «Человека в чёрном». У него был такой отвратительный голос, что от него всё внутри содрогалось. Собственно говоря, детям не разрешали слушать эту передачу, потому что после этого им снились кошмары про всякие ужасы и убийства, которые там происходили, но никто не уводил их спать. Когда мне становилось совсем страшно, я обычно переставала слушать, я представляла себе, что перешусь в невидимую комнату. Там было всё видно и слышно, но мне ни капельки не было страшно, потому что там всё преображалось. Было так сладко знать, что ты вроде бы боишься, а всё-таки не боишься. Я смотрела на себя, притулившуюся на скамейке у дверей спальни в сумерках, и видела, что я совер-

шенно спокойна, потому что все поглощены передачей. Самое лучшее, когда вокруг полно людей, а человек при этом может оставаться самим собой.

За спальней находился зал, где на обоях был рисунок с медальонами и красивый деревянный пол. На Рождество и другие праздники он превращался в парадный зал. Но обычно это была спальня. Там стоял наш детский шкаф-кровать, который открывался только ночью.

В шкаф были вмонтированы три кровати, они складывались как гармошка. Вечером они раскладывались, и я, брат и ещё один мальчик ложились спать. На другой стене шкаф-кровать висел повыше. Он раскладывался вниз, и там помещалось ещё два человека. Третий шкаф, тоже с двумя кроватями, укрепленными вдоль стены, использовался только в летнее время и на каникулах, когда у нас жили два подростка.

Каждый раз у нас складывались разные сочетания из гостей в доме людей. Одно время у нас жил симпатичный мужчина-калека, он научился чинить обувь и стал сапожником. Он открыл практику в комнате, где жили рабочие с фермы, и жил у нас. Потом он съехал от нас, купил дом, и всё у него наладилось. Какое-то время у нас жили брат и сестра бабушки по отцу. Брат был психически болен, и сестра ухаживала за ним. Потом они купили дом в городе и тоже съехали.

Летом на все каникулы из города приезжали кузины, которые проводили у нас всё лето, потому что их родители были бедны и не могли себе позволить вывезти детей из города. Мы все спали в зале, а если кому-нибудь удавалось договориться с одним из дядей пожить в его комнате, это была большая удача, потому что по вечерам никто не заставлял меня ложиться спать.

Ещё в доме была наружная комната. Это была комната пастора. Она использовалась, когда он приходил в нашу церковь и служил мессу. Наш приход был таким маленьким, что его соединили с двумя другими, поэтому у нас не было своего пастора. Его комната была торжественной и тёмной. Большая тёмно-коричневая дубовая мебель, бархатные гардины и тёмно-бежевые обои. Внутри был небольшой алтарь с белым вышитым

платком. Там стоял графин с водой, стакан, медные подсвечники, лежала открытая Библия и деревянный крест. В комнате пастора был телефон, и им пользовались домоладцы, но только в случае необходимости. В кухне были часы, которые трещали, когда били, и у меня каждый раз начиналось сердцебиение. Если кто-нибудь говорил: «Ирис, пойдй возьми трубку», по спине пробегали мурашки, и я чувствовала, как будто огромная чёрная туча обволакивала меня. Если мне везло, то это было сообщение для церковного сторожа. Мне нравилось бегать к нему и передавать ему разные сообщения.

Я боялась старшего пастора, его звали Карлссон, к нему нужно было обращаться «пастор Карлссон». Он был похож на летучую мышь в своём чёрном пальто, с суровым выражением лица, которое казалось ещё более суровым из-за его огромного носа. Он был одоруким – руку отняли, потому что у него был рак. Его голос был мрачным и суровым, каждый раз, когда он что-то говорил, казалось, будто он пророчит конец света. Он казался мне огромным: когда он входил в дверь, он пригибал голову, как будто кланялся. Хотя я боялась его, меня тянуло к нему. Когда он бывал у нас, я часто болталась поблизости. Тихо, как мышь, я прокрадывалась в комнату и садилась в углу. Он так привык ко мне, что иногда не замечал, что я рядом. Я сидела тихо и смотрела, как он читал молитвы и готовился к мессе. Он никогда не выгонял меня, даже когда я заходила в ризницу.

Иногда я проникала в его комнату, забиралась под стол и смотрела на алтарь. Мне было интересно, что за раскрытая книга лежит там, но я не умела читать. «Что там написано, скажите, что там написано», – вертелось у меня в голове. Я «ныряла» в книгу и вылезала с другой стороны. Там был иной, удивительный мир, в котором жили странно одетые люди и стояли необычные дома. Это была незнакомая страна, вся земля была покрыта песком. Люди брели мимо и не замечали меня. Только я могла их видеть, а они меня – нет. Я вспомнила бабушкины рассказы о Боге. Я видела лестницу в небеса, она была похожа на нитку жемчуга, распространяющую слабый свет, и ей не было конца. Я видела длинную вереницу людей и странного человека, ко-

торый шёл впереди. Они шли по направлению к городу, в котором уже было полно людей. Я догадалась: это был Иисус, идущий в Иерусалим. Когда я посмотрела наверх, я увидела крупного человека, сидящего на троне. Казалось, что всё сделано из льда, даже мой дядя, хотя он двигался. Лёд переливался чудесными красками. Это было похоже на сказку. Бог был похож на короля Буре из книжки сказок, которая у нас была, но в действительности всё было намного прекрасней.

«Дзинь...» – зазвонил телефон на стене, сердце заколотилось, и я испуганно выглянула из-под стола. Я услышала шаги, заползла обратно в темноту и затаила дыхание. Кто-то подошёл к телефону и снял трубку. Я ждала, пока положат трубку на рычаг и шаги затихнут. Тогда я осмелилась высунуться из-под стола, в мгновение ока выскочила оттуда и помчалась прочь.

Свен был не похож на других братьев. Он заболел астмой в младенчестве, и все думали, что он не доживёт до года. Он не умер, но дышал с таким трудом, что становилось ясно: он долго не протянет. Время шло, и он и все остальные ждали, что он вот-вот умрёт. Когда он стал подростком, у него нашли сколиоз, на спине вырос большой безобразный горб, он стал стеснительным и замкнутым и всё ждал, когда же за ним придёт смерть.

Отец очень любил его. Отец был на семь лет моложе Свена, и когда отцу было три года, Свен опять слёг. У него было синее лицо, он еле дышал. Отец залезал к нему в кровать и сидел там как прикованный. Свен не хотел, чтобы отец сидел у него, но отец твердил: «Нет, а то ты будешь думать о смерти». Так рассказывал Свен. Он не мог умереть, пока этот упрямый мальчишка торчал у него в кровати.

Отец не уходил, пока Свен не окреп и смог сам вставать с постели.

Свен сидел дома, когда его братья стали ходить на вечеринки. Он сидел один и ждал их возвращения. После того как отец прошёл конфирмацию, он научился танцевать и стал учить Свена, брать его на вечеринки. Свен был очень стеснительным, он считал себя уродом. Кроме того, он не хотел знакомиться с девушками, потому что не хотел иметь детей, которые вскоре

останутся сиротами. Отец танцевал хорошо и в своём юном возрасте приглашал танцевать девушек, которые были немного старше его. Отец подводил девушек к Свену, знакомил их с ним и отходил. Чаще всего бывало так, что Свен, преодолевая стеснительность, приглашал девушку на танец и весело проводил время.

Когда отцу исполнилось шестнадцать лет, он купил себе мопед. Он позаботился о том, чтобы Свен тоже купил такой. Два старших брата уже успели купить себе мопеды, а Свен боялся, что у него случится астматический приступ, и так и не сел на мопед. Однажды отец захватил с собой Свена, и все четверо поехали в Уппсалу и обратно. Это было целое приключение. Свен не решался ночевать вне дома, тем более под открытым небом, но отец поставил палатку, выдал Свену спальник, чтобы у него от холода не случился приступ. Это была его первая в жизни дальняя поездка.

Моя будущая мать была батрачкой. У неё не было родителей, и она очень нуждалась. Её мать умерла, когда девочке было два года, а отец, родом из Сконе, занимался выращиванием сахарной свёклы и разъезжал по разным местам. Когда жена умерла, он бросил детей на произвол судьбы. Моя бабушка болела туберкулёзом и передала его моей матери при рождении. У матери был туберкулёз кожи лица и шеи.

С первых дней после смерти бабушки мать жила в окрестных семьях, а потом стала жить у своего деда, отца матери. Он жил с двадцатилетней дочерью.

Дед пошёл в «коммуну» и умолил, чтобы девочку поместили в больницу. По милости ему не отказали. Сначала её лечили прижиганием в ближайшей больнице, но когда стало ясно, что это не помогает, её послали в санаторий в Халланде. Там она провела до шести лет, и когда за ней приехали, чтобы забрать её домой, она убежала в лес и спряталась, потому что людей, которые приехали за ней, она не знала.

Она всё-таки попала домой, дикая и запуганная. Ей уже пора было в школу. Ей повезло – дома была Эмма. У неё мать находила утешение, но Эмма работала, гнула спину с раннего

утра до позднего вечера в барской усадьбе, так что мать только ночью могла спать у неё: все другие боялись маминой болезни, боялись заразиться. Но Эмма говорила, что Бог желает ей добра и с ней ничего не случится, если девочка будет спать в её кровати. Эмма не заразилась.

Школа была для матери кошмаром. Она ходила туда и ничего не знала. Со своими братьями и сёстрами она познакомилась только после того, как вышла из санатория. Они стыдились её, потому что у неё был большой шрам и рана на лице. Они стали дразнить её, но тут вмешался отец. Он был на два года старше их, мал ростом, однако никого не боялся. Он оберегал её от нападок, гонялся за обидчиками со своим деревянным башмаком. Он угрожал им, что если кто-то тронет хоть один волос на её голове, тому несдобровать. Никто больше не приставал к матери, она нашла себе защитника на время перемен.

Тянулись школьные годы. Отец опекал Свена дома, а мать в школе, ещё он работал в саду и общался, сколько удавалось, со своим дедом. Он много узнал об изнанке жизни и радостях, которые жизнь приносит. Он много размышлял, почему люди делают зло, когда так просто быть добрым, но не находил ответа.

Когда мать прошла конфирмацию, отец начал за ней ухаживать, они стали встречаться, чтобы пожениться, когда придёт время. Бабушка, дедушка и старшие братья считали, что это ужасно. Ведь мать была батрачкой, у неё не было ни отца, ни матери, вдобавок она была болезненной, хилой и была неподходящей партией для отца, крестьянского парня. Ему надо было подыскать более удачную партию. Он отвечал им, что любит именно её, и именно с ней хочет прожить жизнь, и им нужно смириться с этим. Бабушка угрожала ему, говорила: «Это позор – жить с ней под одной крышей». Он только отвечал: «И куда же вы денетесь в таком случае?» На этом разговор заканчивался.

Отец был «себе на уме», как говорила бабушка. Когда пришло время пройти конфирмацию, он обнаружил, что не верит в Бога. Он читал Библию и внимательно слушал проповеди священника, задавал назойливые вопросы, но так и не уверовал. Он не мог взять в толк: если Бог существует, почему Он не де-

лает так, чтобы люди не страдали. Если бы Бог был, Он бы знал природу человека и не стал бы возвращать древо познания в Эдеме. К тому же жить в раю должно быть ужасно скучно: у человека нет никаких проблем, ему всё ясно. Кроме того, такой Бог не соответствует Библии, потому что это страшное, мелочное и жестокое существо нельзя считать благим, всемогущим Богом. Идеал должен был быть лучше, чем обычные, грубые люди.

Он не хотел проходить конфирмацию, но бабушка боялась, что отец опозорит всю семью, что после смерти она навечно угодит в ад за то, что у неё сын отщепенец. Тогда он сказал, что может пройти конфирмацию, чтобы не опозорить её и угодить Небесам. Так он и поступил. Он получил строгий наказ: никогда в жизни не говорить, что не верит в Бога, он просто не стал учить Символ веры, и всё. Если его спрашивали, он отвечал, что верит больше в теорию эволюции, чем в Бога, и часто говорил: «Я не имею ничего против Бога, но его представители на земле не внушают мне доверия».

Однажды к нам зашли свидетели Иеговы, чтобы спасти его душу. Он собирался на скотный двор и стоял у двери, они тут же стали проповедовать. Он сказал, что для него их проповедь не имеет смысла, потому что он потерял веру в Библию. Он ещё сказал, что от дома рукой подать до церкви, что, если он захочет, он может ходить туда хоть каждый день. Они отвечали: «Но вы ведь не ходите туда каждый день?» Он сказал: «Хожу звонить в колокола». Тогда они ушли.

Кроме постоянных домочадцев – десяти-двенадцати человек – количество людей в доме менялось: умирали старики, рождались дети. Жили случайные люди, бывали родственники и знакомые родственников, и иногда они платили за постой.

На эти деньги покупались велосипеды и другие предметы роскоши. Приезжали на лето дети из города, жил подросток, убежавший из дома, был психически больной, который не мог сам себя обслуживать, был инвалид, какая-то пара, которой нигде было жить, какая-то девочка, которая «неприлично» вела себя с детьми, и её выгнали из дома. Бывало одновременно до двадцати трёх человек. Не иссякал поток родственников мате-

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.